

ческих механизмах обеспечения СМИ достойного места в политике выглядит как бы уже не предварительным условием, а неким дополнением к уже сложившейся фактической ситуации.

Владение СМИ информацией воспринимается гражданами и элитами как владение основополагающей «тайной» политики, что позволяет говорить о том, что современное понимание того, что было обозначено понятием «информационный суверенитет», в принципе тяготеет к традиционному для последних двух веков консервативному пониманию политического суверенитета, в которое либеральная политическая практика постоянно и безуспешно привносит вопрос: а не следует ли к воле и интересам народа перестать относиться как к тайне и писать о политике в СМИ так, как оно есть на самом деле? Проект привлекательный, но его реализация приведет к превращению СМИ в справочную службу и к появлению на их месте в политическом процессе новой «четвертой» власти в виде сетевых структур. Отчасти это происходит уже сегодня, и, как представляется, именно вследствие стремления некоторых СМИ конвертировать свою информационную суверенность в реальные экономические и правовые преимущества.

Информационный суверенитет мотивирует и определяет понимание СМИ своей политической субъектности. Конфигурация запроса СМИ на информационный суверенитет определяет структуру их отношений с другими политическими субъек-

тами и всю структуру трудностей и проблем, с которыми сталкиваются современная информационная политика и ее правовое регулирование. Исследование информационного суверенитета даст практическую возможность четко сформулировать идеологию информационной политики в современной России. Причем сформулировать, имея в виду, что основным в ее структуре должно быть не сопоставление интересов государства и общества (попытки сделать из СМИ инструмент согласования этих интересов не могли и не могут по определению иметь положительного результата). Это может быть именно идеология политического участия СМИ как самостоятельного субъекта, наделенного политическим ресурсом, которым они распоряжаются по собственному усмотрению.

Примечания

- 1 Богомолов О. Т. Демократия и социально-экономический прогресс // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 5.
- 2 Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник / пер. с фр. М., 2000. С. 572.
- 3 Токвиль А. де. Демократия в Америке : пер. с франц. / предисл. Г. Дж. Ласки. М., 1992. С. 177.
- 4 Богомолов О. Т. Указ. соч. С. 11.

УДК 323.1; 323.2

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. И. Морозов, Е. Л. Кулешова

Волгоградский государственный университет
E-mail: si.morozov@mail.ru

В статье рассматривается процесс конструирования национально-государственной идентичности населения России. Особое внимание уделено современному этапу политического развития российского общества. Анализируются возможности реализации различных проектов конструирования общероссийской идентичности.

Ключевые слова: государство, модернизация, политическая идентичность, патриотизм, политическая культура, политический дискурс.

State as a Subject of Nation-State Identity Construction in Contemporary Russia

S. I. Morozov, E. L. Kuleshova

This article concerns the process of nation-state identity construction in Russia. Special attention is paid to contemporary stage of political development of Russian society. Potentials of different projects of construction of overall Russian identity are examined.

Key words: state, modernization, political identity, patriotism, political culture, political discourse.

Эффективность конструирования национально-государственной идентичности в современной России обусловлена в первую очередь ограничениями, накладываемыми на национальные отношения историко-культурными особенностями, а также изменением роли Российского государства в структуре современных международных отношений. В этой связи характер общегосударственной идентичности относит нас к прошлому опыту политики идентичности.

Так, в отличие от западного варианта, длительный контакт с монгольской культурой предопределил деспотический характер власти царя на Руси. Здесь особый интерес представляет

осмысление проблемы самовластия. До XV в. этого вопроса в общественно-политическом дискурсе не существовало. Первоначально постановка данной проблемы ограничивалась только тем, в какой мере царь волен в управлении своими холопами. Последующее осмысление этой проблемы характеризуется тем, что, с одной стороны, акцент осмысления смещается в сторону общественных практик, а с другой – теперь вопрос о степени свободы и ответственности за свои действия ставится в отношении каждого человека. Таким образом, происходит следующая эволюция самоотнесения. Если в ранние периоды российского государства оппозиция «Я – Иной» выстраивалась на основе корпоративных общностей и групп, то в последующем происходит индивидуализация субъекта, то есть человек сам начинает определять свои предпочтения и получает возможность выбирать.

С XVII в. сфера духовного постепенно становится все более абстрактной и отступает на второй план, начинает проявляться разделение частного и государственного интереса. Так, уже в XVIII в. Петр I призывает служить не ему лично, но Отечеству. Однако парадокс ситуации в том, что требование служить «абстрактной» идее Родины как всероссийское благо исходило от царя – того самого, кто провозглашался отцом и хранителем божественной «тайны» государства. Идея безликого государства насильственно насаждалась, а не была насущной необходимостью. Однако в сознании народа авторитет царя так и остался непоколебимым, а весь негатив был направлен на различные бюрократические структуры как препятствие на пути единения монарха со своими подданными.

С этого же периода начинается и государственная категоризация населения. «Переход от состояния практической группы к официально оформленной группе (класс, нация и т. д.) предполагает конструирование классифицирующего основания, которое способно произвести совокупность отличительных черт, свойственных всем членам этой группы, и одновременно аннулировать совокупность незначимых черт, которыми в ином качестве обладают некоторые или все ее члены (например, национальностью, возрастом, полом) и которые могли бы служить основой для альтернативных конструкций»¹.

С другой стороны, стоит отметить еще один момент. Постепенно государственная идентичность приобретает новые черты и смещаются акценты. Так, если российская идентичность московского периода носила не этнический, а конфессионально-цивилизационный характер (причем единичей национально-государственной идентичности выступал именно православный народ)², то начиная с XVIII в. в общественно-политический дискурс входит этнический компонент.

В период правления Петра I появляются категории «российский народ», «россияне», которые развивались прежде всего в работах Н. М. Карамзина. Быть россиянином означало

прежде всего чувствовать глубокую связь с Отечеством и быть «совершеннейшим гражданином». Эта линия понимания «российскости» на основе русской культуры и православного христианства занимала доминирующее положение по сравнению с этническим национализмом, который был маргинальным не только в центре, но и в окраинных регионах, кроме Польши и Финляндии. Примечательно, что категория «российский народ» была востребована лишь дворянской частью населения, которая ассимилировала значительное количество элементов европейской культуры, в то время как основная масса населения самоопределялась как «русские». Причем это понятие не имело значения этнической принадлежности, а означало скорее культурно-религиозную принадлежность.

Идентичность «россияне» в дальнейший период развития абсолютизма приобрела, таким образом, двойную смысловую нагрузку, обозначая верных Отечеству граждан и в то же время вбирая в себя религиозные оттенки понятия «русский». Особенно отчетливо это проявилось в уваровской доктрине «Самодержавие. Православие. Народность» в период правления Николая I. Понятие «народность», однако, относилось только к представителям титульной нации – великороссам, малороссам и белорусам, которые тогда определялись как три субэтноса русского народа. Все остальные жители России считались «иностранцами». Однако, по мнению П. Струве, «географически расширяя свое национальное ядро, русское государство превратилось в государство, которое, будучи многонаrodnым, в то же время обладает национальным единством»³.

Ситуация существенно изменилась после 1917 г. Большевики использовали протестный потенциал национальных движений и создавали Советское государство как братский союз равноправных наций; украинцы и белорусы обрели статус наций, а на территориях, заселенных «иностранцами», сформировалось более 30 союзных и автономных республик со своей культурой и своими институтами государственности.

Советский проект по созданию национально-государственной идентичности можно считать успешным по ряду условий:

– это система образования с общими для всех национальных сегментов стандартами, а также единая система занятости, здравоохранения, комплектования вооруженных сил и т. п.;

– это экономическая система, создававшая условия для высокой территориальной мобильности населения, внутренней миграции и урбанизации, которая нивелировала культурные различия;

– это разветвленная партийная структура, объединяющая все сегменты многосоставного общества в единой системе политико-идеологических координат.

В результате все эти компоненты в той или иной мере способствовали формированию единой советской идентичности, включенные в единую

идеологическую систему, которая способствовала унификации различных сегментов общества.

В то же время в советском проекте был заложен ряд факторов, способствующих дезинтеграции государства, которые сыграли немаловажную роль в распаде СССР. Это, во-первых, актуализация этнической идентичности. В СССР приоритет нациестроительства был «спущен» с общегосударственного на регионально-этнический уровень. На основе этнических общностей и региональных идентичностей были сконструированы «социалистические нации». Население страны жестко разделилось по «нациям и народностям», общее число которых менялось в зависимости от процедуры подсчета и политико-идеологических установок. Изменилось содержание понятия «русский», которым стали обозначать только бывших великороссов, а категория «великоросс» исчезла из общественной практики, а затем из самосознания людей. В свою очередь, малороссы стали называться украинцами, белорусы остались белорусами, но обе группы перестали считать себя одновременно и русскими. Таким образом, для России XX в. культурно-исторический тип носил имя советского человека, или *homo sovieticus*.

В результате А. В. Рубцов выделяет следующие характерные черты российской национально-государственной идентичности, красной нитью проходящие через всю российскую историю:

- ведомость, высокую идеологичность и псевдодуховность;
- самобичевание и готовность подчиняться земным культам;
- вторичность народа по отношению к власти, поклонение и заискивание перед властью⁴.

Анализируя процесс изменения национально-государственной идентичности в постсоветской России, представляется возможным выделить следующие альтернативные варианты ее конструирования. Первая модель – советский проект и его противоположность – либеральная модель, представляли собой развитие России в рамках целостной системы интерпретации прошлого с соответствующими СССР традициями, нормами и символами⁵.

Однако в 1990-е гг. национально-государственное единство определялось характером «негативной идентичности», противопоставляемой первой и на первых порах суверенного существования России принятой в качестве официальной политики идентичности. Её эволюция в целостную систему позитивной модели сопровождалась длительным кризисом и хронологически закончилась только к началу 2000-х гг.⁶

На наш взгляд, в этот период исследователи упускали из виду консервативный проект. В рамках этого проекта основной исходной единицей выступает традиционное для русского общества желание самоорганизоваться на началах «одухотворенной верой державной государственности». Сторонники этого подхода в рамках дихотомии

«Я – Другой» определяют себя через противопоставление с «Западом». Вместе с тем западнический проект также предполагает смену идеологии. Однако в его основе лежит необходимость приближения России к некой идеальной модели цивилизованного правового демократического государства. Таким образом, данный проект представляет собой «кальку» с основных условий и принципов функционирования либеральных западных демократий.

Как отмечает И. К. Пантин, «восприняв ценность национального в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, российское общество ... разрывается между потребностью модернизации ... и необходимостью адаптации к “постмодерным”, глобальным тенденциям мирового развития»⁷. Таким образом, внедрение одного из проектов или их синтеза позволит добиться стабилизации обстановки не только в политической сфере, но и в области социально-экономических, межнациональных отношений. А это, в свою очередь, обуславливает перспективы устойчивого функционирования и развития современной российской государственности.

Уже в 2008 г. В. А. Тишков сделал вывод об устойчивых предпосылках формирования в России «позитивной» национально-государственной идентичности на базе политической нации⁸. Более того, он заявил, что «процесс формирования гражданской нации достаточно давно и успешно идет в России, а в каком-то смысле или в какие-то событийные моменты следует говорить о российской нации как о свершившемся факте общественного сознания»⁹.

С другой стороны, некоторые исследователи, признавая главной тенденцией политического дискурса последних лет активное выстраивание политической нации, говорят о несбыточности этого проекта. Л. Радзиховский отметил: «...я не могу сказать, что этот процесс идет успешно. Даже думаю, что, возможно, он и не будет доведен до конца. Потому что Россия никогда не сможет стать полноценным национальным государством, – ведь она происходит от империи, от государства, которое правильно бы назвать супер-этническим»¹⁰. В подобном ключе высказалась и Л. М. Дробужева: «...исторически сложилось в России понимание нации как этнокультурной общности»¹¹.

Следует отметить, что модель общегосударственной идентичности воспринимается в сознании народа с помощью политических идеологем, употребляемых в официальном дискурсе, или, иначе, с помощью ключевых политических мифов и символов. Например, в советском обществе это были такие слова, как «народовластие», «дружба народов», «социалистический выбор». В постсоветской России их сменили термины, близкие по смыслу к западной идеологии «прав человека», сейчас им составляет конкуренцию группа слов,

близких к концепции «государственных интересов» и «государственной безопасности»¹².

Таким образом, если исходить из понимания национально-государственной идентичности как собрания мифов, идеологием, используемых политической властью для удержания общественного мнения и настроения, то необходимо отметить следующее. Единство национально-государственной идентичности в Советской России основывалось на частом повторении «ключевых» символов: повсеместном изображении и памятниках В. И. Ленина, создании и распространении образов народных героев, в том числе и при помощи СМИ, а также всеобъемлющем влиянии соответствующей музыки, искусства и архитектуры соцреализма.

В связи с этим современная Россия только находится на пути конструирования «ключевых» мифологием, замещающих прежние. В то же время современная российская идентичность представляет собой «сложный конгломерат» новой идентичности, советской идентичности, региональной, этнической и религиозной. В первую очередь эти проблемы касаются сферы межэтнических отношений. Межэтнический конфликт в Кондопоге в сентябре 2006 г. наглядно продемонстрировал сложность достижения национального единства в России.

Современная государственная стратегия в области конструирования российской идентичности и национального строительства базируется, по мнению Ричарда Саквы, на развитии патриотизма, который, в противоположность национализму, пропагандирует гордость за разнообразие российской культуры, исторических традиций и менталитета¹³. Согласно всероссийским опросам общественного мнения, патриотизм – это единственная ценность общенационального характера, более половины взрослого населения России поддерживает или заявляет о готовности поддержать тех политиков, которые называют себя российскими патриотами.

Второе основание общегосударственной стратегии – державная риторика, оперирующая понятиями безопасности, стабильности, стремления вернуть России прежнюю роль в международных отношениях. Согласно выводам ВЦИОМ, треть опрошенных выступает за возвращение России статуса супердержавы; данные Левада-центра подтверждают желание россиян жить в стране, которую боятся или уважают другие. Причем в настроениях наблюдается положительная динамика.

В этой связи актуализируется так называемый русский вопрос. Как справедливо заявляет ряд исследователей, русского вопроса не существует, но его достаточно легко создать. Так или иначе и крайние либералы, и консерваторы, и националистические организации используют эту тематику. Наиболее активно этот вопрос начинает привлекать внимание во время кризисных ситуаций, предвыборных кампаний. Показательно

высказывание президента Д. А. Медведева на встрече с членами Общественной палаты РФ: «... нам не нужно стесняться быть русскими, быть православными ... мы обязаны беречь и продвигать подлинные, а не мнимые ценности всех народов, входящих в нашу многонациональную страну, всех культур этих народов, и в том числе, конечно, и культуры русского народа, потому что эта культура всегда была системообразующей в нашем государстве»¹⁴. Тем не менее «русские» не становятся ни объектом, ни субъектом государственной политики в современной России.

Для официального дискурса более характерна идея многонациональности и многоконфессиональности России, ее населения, культуры. Вместе с тем Русская православная церковь, по сравнению с другими конфессиями, имеет некоторые преимущества во взаимоотношениях с политической элитой: высшие должностные лица государства присутствуют на службах в православных храмах, православные священники благословляют чиновников и военные учения и т. д. Несомненно, тема православия является выигрышной в вопросе конструирования позитивных оснований национально-государственной идентичности (по опросам ВЦИОМ, 70–75% россиян называют себя православными), хотя скорее всего использование понятия «православие» «не более чем компенсация за недостаточную национальную идентичность»¹⁵.

Таким образом, в настоящее время государственный проект национально-государственной идентичности выстраивается на основе сближения различных альтернативных вариантов и в значительной степени базируется на патриотическом прочтении истории России. Именно через патриотическую составляющую политика идентичности государства восстанавливает единство новой национально-государственной идентичности России как с советским, так и с досоветским прошлым. Именно на государство возложена задача конструирования образа «Другого» российского общества, который позволит обрести собственную уникальность.

Существуют разные источники формирования образа «Другого». В первую очередь необходимо подчеркнуть значимость административного ресурса, в частности миграционного законодательства. В этом смысле паспортная система позволяет первоначально классифицировать «своих» и «чужих». В результате официальным критерием «российскости» и «инаковости» выступает наличие/отсутствие российского паспорта и регистрации.

Еще одним критерием выделения «Другого» является не официальный статус – гражданин/не-гражданин, – а принцип восприятия «Другого» в категориях этничности. В этом случае «Другой» наделяется уже качественной оценкой – «наш»/«не-наш». Парадокс ситуации в том, что в данных обстоятельствах ряд российских территорий, областей, регионов подпадает при

такой классификации в категорию «не наших». В результате эти две формы не совпадают в ряде случаев и порой иностранцу легче попасть в эти категории именно не по формальному принципу, а согласно внешней «схожести».

В итоге процесс строительства нации и конструирования национально-государственной идентичности идет противоречиво, сопровождаясь искусственной унификацией и жесткой официальной классификацией, не всегда находящих понимание среди российского общества и противоречиво влияющих на развитие национальных отношений в России.

Таким образом, отсутствие адекватного проекта национально-государственной идентичности предопределяет поиск альтернативных вариантов единения. Поэтому перед современной Россией стоит вопрос выживания по ряду оснований. Во-первых, остается вероятность «цивилизационного одиночества» государства, так и не сумевшего выстроить систему приоритетов во внешней политике. Во-вторых, опасность кроется в актуализации региональных и локальных идентичностей, в первую очередь на базе этнического родства. В конечном итоге выбор в пользу одного из проектов так и не был найден. В политическом дискурсе характерна установка не просто на плюральность суждений, а на совершенно антагонистические варианты интерпретации проекта общероссийской идентичности. Так или иначе отсутствие консенсуса в политическом пространстве по некой одной парадигмальной модели национально-государственной идентичности выливается в конфликтные, напряженные отношения в социально-политическом поле.

Однако следует отметить определенные тенденции конструирования «русской нации», которая, в противовес этнической идентификации, направлена на формирование гражданской российской идентичности. Так, в политическом дискурсе последнего десятилетия понятие «русский народ» используется как оппозиция «русскости». Несомненно, это позитивный момент, так как конструирование идентичности должно начинаться с «имени» нации, и в этом смысле концепт «россияне» и призван заменить негативные основания идентификации.

Кроме того, в вопросе конструирования национально-государственной идентичности современной России проблемным остается поиск общенациональной идеи. Совершенно безосновательно звучат мнения, что национальная идея должна аккумулировать общественный запрос, а государство в этом случае лишь озвучивает его. На самом деле национальная идея носит преимущественно проективный характер, задающий вектор движения и развития страны. В этом смысле отсутствие такого государственного целеполагания и горизонтов будущего тормозит общественное развитие.

Отсутствие собственно национального «начала» в структуре национально-государственной

идентичности приводит к объективным последствиям – у российской нации нет перспективных приоритетов и ориентиров. Подобный «дрейф» идентичности приводит к тому, что локальная (этноконфессиональная, региональная) идентичность актуализируется. Сегодня, по мнению В. А. Ачкасова, фактор землячества, или «малой родины», выходит на первый план, что предсказуемо ведет к нарушению общегражданской российской солидарности и единства общества¹⁶.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы в рамках мероприятия 1.1 «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук».

Примечания

- ¹ Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действительности // Логос. 2003. № 4–5. С. 36.
- ² См.: Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 54.
- ³ Струве П. Проблема русского могущества // К познанию России. Взгляды русских мыслителей начала XX века / сост.: А. Е. Савинкин, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов. М., 1994. С. 73.
- ⁴ См.: Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. М., 2009. С. 186–187.
- ⁵ См.: Орлов Б. Россия в поисках новой идентичности. М., 1995. С. 267.
- ⁶ См.: Тишков В. А. Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. Май–август. Т. 3. № 2(8). С. 33.
- ⁷ Пантин И. К. Россия : окончание исторического цикла? // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 3. С. 123.
- ⁸ См.: Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В. А. Тишков. М., 2008. С. 3–4.
- ⁹ Там же. С. 4.
- ¹⁰ Радзиховский Л. Национальный вопрос // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/01/25/radzhovskij.html> (дата обращения: 10.08.2011).
- ¹¹ Российская идентичность в Москве и регионах / отв. ред. Л. М. Дробужева. М., 2009. С. 18.
- ¹² Шатина Н. В. Современная политика: формирование и репрезентация смыслов. М., 2007. С. 100.
- ¹³ См.: Саква Р. Выбор России / пер. с англ. В. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной. М., 2005. С. 345.
- ¹⁴ Стенографический отчет о встрече с членами Общественной палаты Российской Федерации 20 января 2011. URL: <http://special.kremlin.ru/transcripts/10106> (дата обращения: 10.08.2011).
- ¹⁵ См.: Русское самосознание и социальные трансформации // Агентство политических новостей. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=3685> (дата обращения: 10.08.2011).
- ¹⁶ См.: Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве // ПОЛИТЭКС. 2005. № 1. С. 69.